

ВЫРАЗИТЬ ДУШУ НАРОДА

В своей автобиографии «Подводя итоги» Сомерсет Моэм пишет, что с самого начала взял за правило не потрясать читателя изысками стиля, а говорить с ним точно и прямо, «писать без всяких ухищрений». Английский писатель — величина для Юрия Слепухина значимая, мы встречаем в текстах упоминание этого автора, а название одной из книг прямо кивает в сторону британца. И *credo* Моэма оказывается важным и для его русского коллеги. «Меня всегда больше заботило что сказать, чем как сказать» — утверждает Слепухин. Я с ним согласен и даже в том, что выбор темы и направление разговора куда как важнее способа изложения.

Я люблю прозу Слепухина, прилепился к ней еще с того радостного дня, когда перевернул первые страницы романа «Перекресток», а теперь еще и с радостным удивлением прочитал его публицистику. С первого взгляда она может показаться простой — нет стилистических завитушек, нет цитат, нет имен великих мыслителей и беллетристов. Но ясность и точность в нынешнее время куда важнее искуснейших украшений. В одной из работ Слепухин перечисляет важные для него самого качества профессионального литератора и на одно из первых мест ставит «ощущение ритма фразы». Это качество прозы в высочайшей степени присуще самому Слепухину, проявляется в его беллетристике и замечательнейшим образом держит публицистику. Примером можно привести хотя бы «Серебряную республику...» Тема и её поворот обозначены в заголовке, определены уже местом и временем публикации работы, но композиция эссе выдержана великолепно. Упругий ритм повествования, быстрый темп, прекрасная зрительная память и — любовь к предмету изображения предлагают нам картину далекого города. Не бывал я никогда на далекой Амазонке, не окажусь, наверное, и на берегах Рио-де-ла-Плата, но увидел Буэнос-Айрес, может быть, даже лучше, чем собственными глазами.

Смутил меня, правда, один эпитет: «порнографический голос Элвиса Пресли» — показался мне некоторым перехватом и перебором, но — бывает, бывает, бывает... Зато какие там компадрито, и как слышен восторженный свист завсегдаев уличных кафе, завидевших прекрасную синьориту!

Но главное, как мы уже уточнили, предмет разговора. Я вижу две важнейшие темы публицистики Юрия Слепухина — неприязнь к техногенной цивилизации и личная ответственность каждого человека за судьбы мира. «С каждым годом все более сомнительной представляется целесообразность дальнейшего развития науки и техники в том направлении, каким это развитие сегодня идет...» Некоторая невнятица объясняется тем, что перед нами не проза, а расшифровка выступления писателя на встрече с кубинскими коллегами. И дальше Слепухин говорит о важнейшем противоречии современного общества: высочайшем уровне потребления и — снижения интересов к духовному: «проблема отсутствия идеала, это отчаяние обманутого человечества, которому наша роботизированная цивилизация не способна уже дать ничего, кроме опустошающего душу материального изобилия».

Отметим, что встреча состоялась в 1985 году, когда еще весь советский народ надеялся на пришествие материального изобилия, верил, что именно «хищные вещи века» способны дать людям полное удовлетворение их запросов. Среди прочих заслуг Юрия Слепухина отметим и ту, что он не вглядывался с надеждой в достижения атлантической цивилизации, осознавая их эфемерность. Наверное, еще и потому, что сумел вкусить их в достаточной мере. Примерно в эти же годы американец Джон Гэлбрейт говорил о конвергенции двух цивилизаций, имея в виду слияние двух методов производства. Наши идеологи кричали о невозможности подобного исхода решительного противостояния полярных образов существования. Наши технократы верили Гэлбрейту и надеялись на скорое осуществление его выводов. Немногие понимали, что правота заокеанского экономиста звучит весьма и весьма печально. Юрий Слепухин, конечно, же не считал, что человечество надо загнать обратно в пещеры, одеть в звериные шкуры и заставить бегать босиком

по лесам и саваннам. Но он чутко предугадал опасность чрезмерного интереса к вещам и предвидел наступление «общества потребления».

Еще по романам Слепухина я заметил, что он держится в равном удалении от мейнстримов любого рода. Что правой резьбы, что левой. Эссе писателя убедили меня еще раз в его несомненной оригинальности. «В XX веке мы отвечаем за все — и за то, как нами правят, и за то, кто нами правит», пишет он, обращаясь к одному из коллег, критику Георгию Куницыну. Речь идет о некоем фильме, в котором герой оказывается верным служителем ГУЛАГа, да еще виновным в расстреле подвластных ему заключенных. Оппонент оправдывает киношного персонажа тем, что он верил в справедливость порученного ему дела. Слепухин возражает ему тактично, но резко: «и сегодня, полвека спустя, многие втайне хотели бы этого же — чтобы без собственных мыслей, без собственного голоса, послушно шагать и шагать куда-то в строю переделанных на единый лад манкуртов...» Куницын говорит о безусловной личной порядочности персонажа, Слепухин напоминает ему о коменданте Освенцима, который был «отличнейшим семьянином». Добавлю уже я, что французский писатель Робер Мёрль написал роман «Смерть — мое ремесло», в котором вывел этого же Хёсса человеком мужественным и верным, но одновременно — бездумным убийцей. Вот они — антиномии нашего времени, которые все-таки следует разрешать в рамках христианской цивилизации: «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Евангелие от Луки, гл. 17). Poleмический запал Слепухина не потерял своей актуальности и в наше время, когда пытаются найти оправдание для диктаторов и тиранов различного толка и уровня.

Проблема личной ответственности — крайне важная тема для Юрия Слепухина. Он разбирает ее и на примере отношения писателя к своему творчеству, к своему образу жизни. В семидесятые годы многие литераторы хотели выбраться из-под глыб тоталитарной идеологии, надеялись, что с пересечением советской границы укрепитесь их дух и появятся многие духовные силы. Меня, помню, тогда спасло интервью с Наумом Коржавиным, которое передавали на

волне одного из «вражеских» голосов. Поэт сказал, что если вы хотя бы зададите себе вопрос: стоит ли уезжать, не уезжайте... Я послушался его и теперь весьма благодарен. Об этом же говорит и Слепухин в эссе «Писатель и Отечество». Работа, написанная давно, но важная и для дня сегодняшнего. «Всякая книга пишется прежде всего для людей, говорящих на языке оригинала...» — утверждает Слепухин, а за его плечами стоит опыт литератора, работавшего в иноязычном окружении. Писатель должен обратиться прежде всего к своему народу. Такой же путь предлагает и Юрий Слепухин: «Большая литература всегда наднациональна; на каком бы языке ни было написано великое произведение, оно адресовано всему человечеству и поэтому находит доступ к уму и сердцу читателя в любом уголке Земли. Но нет ни одного великого произведения, которое выросло бы на пустом месте, в отрыве от земли, вскормившей его автора. Чтобы быть понятым людьми всей планеты, художник прежде всего должен уметь выразить душу, мироощущение своего собственного народа».

Юрию Слепухину это удалось. Удалось стать писателем и гражданином. Удалось остаться писателем и гражданином в самых сложных и запутанных ситуациях.

Владимир Соболев